

ОЛЕГ ЕФРЕМОВ. ДО СМЕРТИ

Молчание, улыбка, взгляд на женщину.
Дальнейшее — бессмертие

Виталий Третьяков

ЕСТЬ СОБЫТИЯ, в том числе и печальные, о которых не можешь не написать. Написать сам, не доверяя этого никому другому, даже профессионалам.

Те, кто хоть как-то связан с театральной средой, знают: этого исхода ждали. Я не настолько вхож в эту среду, чтобы разбираться в нюансах этого ожидания, но, как мне кажется, два чувства преобладали — ужас и желание найти основание для веры в то, что худшее не случится.

Случилось, естественно. Ужас наступил.

Олег Николаевич Ефремов, на мой взгляд, был одним из трех-четырех наиболее выдающихся артистов России второй половины XX века — даже с учетом тех представителей старой мхатовской и Малого театра школы, что продолжали активно работать в послевоенный период.

И это при том, что полноправно великих актеров в нашем кино и театре 50–60-х можно считать десятками. Казалось бы, это примитивная арифметика, но сколь радующая сердце тех, кто неравнодушен к русскому театру и кино.

Олег Ефремов, теперь это всего лишь правда, а никак не оценка, был гениальным актером, гениальным.

Из ушедших в последние годы я бы поставил на соседние вершины только Иннокентия Смоктуновского и Евгения Евстигнеева.

Кроме того, Олег Ефремов был выдающимся театральным режиссером, он создал великий театр «Современник» и почти возродил величие МХАТа в Камергерском, если может быть великим театр в эпоху кино и телевидения, совпадающую по времени с эпохой упадка литературы.

Это все банальности. Но я повторяю их не для ритуала, а для того, чтобы несколько заполнить пустоту, образовавшуюся от взрыва ужаса, разразившегося в момент смерти Олега Ефремова.

И еще одно. Сейчас много и многие злословят о шестидесятниках. Я в том числе.

Олег Ефремов, сколько я знал его лично, был тем идеальным (не в житейском — тут идеалов нет, хотя Ефремов был явно идеальнее других) шестидесятником, тип которого дается нам в литературе самих шестидесятников. По-моему, он был очень, откровенно честен. Никаких фактических доказательств этого я не имею. Я просто это почувствовал от встреч с ним.

Я знал его немного, говорил и общался с ним в общем-то считанные разы. И однажды — как раз

вместе со Смоктуновским после их блестящего, лучшего, опять же, на мой взгляд, театрального спектакля последних лет «Невозможная встреча». Гениального спектакля, ибо что же иное могло получиться от встречи, уже не неожиданной, на сцене только их двоих — без всех остальных, блестящих — но остальных.

И еще, конечно это, кино.

Три мои любимые роли Олега Ефремова в кино, самые любимые, точнее: Польшинин в «Случае с Польшининым», молчаливый художник-самоучка в «Гори, гори, моя звезда» и крохотная бессловесная роль в «Звонят, откройте дверь».

Ефремов часто молчал в кино. Ничего лучше этого молчания я не знаю. Ни у кого.

Он гениально смотрел на женщин в кино (в жизни я, естественно, этого не видел). Говорят, его очень любили женщины. Именно «Случай с Польшининым» показал мне, за что и как.

И еще он гениально улыбался.

Молчание, улыбка, взгляд на женщину — если судить по Олегу Ефремову, то владение этими тремя искусствами отличает гениального актера от просто великого.

Я понимаю, что слишком частое употребление слова «гениальный» портит любой текст, даже посвященный Олегу Ефремову. Даже в такие дни.

Но что поделаешь, если я так действительно думаю и если другого слова, выражающего высшую степень мастерства, нет. Разве что слово «божественный». Но в том-то и дело, что внешне Олег Николаевич был отнюдь не божественным, а предельно земным, даже как-то утрированно земным. Божественным был Смоктуновский. Видимо, это чисто физиономическое, а гениальность — это все-таки внутреннее. Плюс — сделанное. Плюс — чувства, которые он вызывает у друзей, врагов и коллег. Кое-что и из этого, последнего, я тоже знаю. Ефремов у всех них вызывал трепетное и одновременно гордое восхищение. И еще — он был очень умен. Очень. А хитер — лишь в ту меру, которой требует публичность профессии.

Олег Ефремов. При звучании этого имени у каждого возникает свой внутренний видеоряд.

У меня, помимо его в кино и его живого, — еще и финал празднования столетия МХАТа: Олег Николаевич, со Звездой Героя и в кресте от праздничного торта на костюме. А ведь он не был клоуном, как большинство великих артистов. И классическим трагиком не был. Тем более — что-то уникальное.

Тот юбилей, как терновый венчик, увенчал его профессиональный путь актера и режиссера. Дальнейшее — бессмертие в русском искусстве и истории России.

Николаевич мурр - 2000 - 26 апр. - с. 1